

ПО СЛЕДАМ КОНФЕРЕНЦИИ

В октябрьские дни 1917 года Михаил Михайлович Пришвин (1873-1954), уже известный писатель (в 1913 году вышло его первое собрание сочинений), сделал такую запись в дневнике: "Кончилась художественная литература, и на Руси опять наступают времена летописи".

"ВЫХОЖУ БОСОЙ Я НА ДОРОГУ..."

Дневниковые записи Пришвина о Прокофьеве. / Фрагмент доклада Л.А. Рязановой

Музей М.М. Пришвина, деревня Дунино под Звенигородом

Эту летопись русской жизни он самоотверженно и мужественно вел все годы вплоть до кончины в январе 1954 года.

Огромный свод дневников писателя насчитывает около 600 печатных листов.

После отмены политической цензуры на литературные тексты мы приступили к изданию неизвестного Пришвина: к настоящему времени вышло четыре тома "Дневников", охватывающих период с 1914 по 1925 год. Записи о Сергее Прокофьеве, о "раскулачивании консерватории" взяты из дневника писателя 1946 - 1950-х годов.

Пришвин не был лично знаком с композитором, но в те годы писатель был дружен с П.Л. Капицей, жившем на Николиной горе, где у Прокофьева была дача. Михаил Михайлович познакомился с Е.А. Мравинским, семья Пришвинах сближалась с дачными соседями - семьей известных музыкантов А.Ф. и Л.Л. Мутли. И, конечно, Пришвин хорошо был осведомлен о событиях, навсего запечатленных на страницах его дневника.

«1946 год. 18 декабря Мороз и ясно. Были на генеральной репетиции "Ромео и Джульетты" Прокофьева. Во втором акте не мог удержаться от слез - до того прекрасна музыка, чары Улановой и ансамбль. Третий акт перегружен, финал пошел. Чувствуешь тиски со стороны, как всегда.

27 декабря Красота - солнце добра. Добро показывается и тянет

к себе, если осветит его красота. Путь художника - это, минуя соблазн красивого зла, сделать красоту солнцем добра. Мы все этого ждем от художника и плачем от радости, когда это ему удаётся...

1948 год. 25 января Воскресенье. Та-

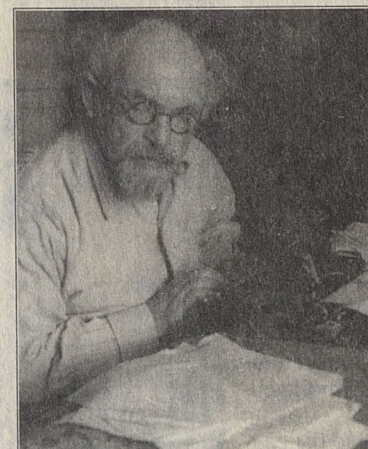
тьянин день. Небольшой мороз с резким ветром, снежок успел прикрыть лёд на улицах и железно на крышах. Были на именинах Тани Игнатовой и узнали, что сейчас раскулачивают консерваторию, Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна в пользу народной мелодии, что Комитет кончается, Храпченко уже снят и будет министерство во главе с Ворошиловым. Чувствую в себе постоянно упрек в том, что естественное золото своего таланта не отдал на монетный двор и не позволяю мягкость золота, как металла, укрепить добавкой лигатуры, чтобы оно могло ходить по рукам. Но я верю в одно, что, наконец, так это и надо. И успокаиваюсь.

29 января Моё постоянное чувство - мысль об искусстве, как образе поведения и есть ощущение участия в деле рождения нового среди просто творящих или играющих трутней. Вот откуда, наверно, и берётся у нас требование долговечности "плода" искусства: плод должен быть

рождённым, но не просто для забавы сотворённым. Остаётся и входит в состав культуры только рожаемое.

Совершенно как на трутней смотрит теперь государство на артистов и держит их и кормит только для своего оплодотворения, называемого "пользой". А если заглянуть в историю нашей революции поглубже, то с каких это времён у нас эта "польза" противопоставляется

"игре". С каких времён эту "пользу" артист на Руси чувствует как смерть свою личную. С каких времён этот единственный (вроде Пушкина, Гоголя, Толстого) собирает в себе могу-

М.М. Пришвин в кабинете московской квартиры в доме в Лаврушинском переулке, 1947 год

чую силу в борьбе за игру (Моцарт) против пользы (Сальери) и так всё-таки, играя, делается единственным оплодотворителем самки. Так среди тысяч и тысяч погибающих в творчестве трутней один какой-то единственный, играя, рождает новое и потом признаётся полезным. Вот это поведение победителя и будет описано в моей будущей книге "Искусство как образ поведения".

11 февраля

У Прокофьева пять Сталинских премий, и вдруг оказалось, что напрасно давали: музыка Прокофьева и Шостаковича объяв-

лена антинародной западной жвачкой. После этого верь в славу и орден!

12 февраля

Главное событие, о чём все говорят, ревизия в музыке. Движение славы наших композиторов в сторону Европы: их держали и давали по пять сталинских премий за то, что они славят нас в Европе. Теперь же Европа и Америка объявлены неполно-

ценными, в суде над искусством поставили народ. И масса народная забраковала наших великодушных лауреатов.

Бойко проходит раскулачивание композиторов при явном сочувствии "масс" (весь рядовой человек стоит за мелодию). С точки зрения обижённого лауреата всё проходит как провокация: вызвали "гения" и натравили на него массы.

Но, Боже сохрани высказать это! Напротив, надо признать ещё справедливость указания и обещаться впредь слушать народ, а не себя, гения.

Кажется, такая невыносимая трагедия, а между тем все выносятся. Даже помню в ежовское время Бухарин, приговорённый к расстрелу, перед грядущей "темнотой", как сам сказал, смирился и приветствовал грядущее счастье народа. Так вот и с "гениями" в музыке и лауреатами: наверно, так серьезно, так глубоко касается самой души, что и сказать нечего... остаётся будущее счастье народа.

13 февраля

Ещё один солнечный день весны света. Смертельная тоска иногда, очень изредка, навещает меня: хочется или разрядиться в безумном бешенстве, или же уничтожить себя. А разрядка в себя кончается вот этой смертельной тоской. Но меня от безобразной выходки всегда удерживает память о прошлом: я знаю по опыту, что смертельная тоска кончается... радостью жизни. В этой борьбе и рождается мой теперь известный всем "оптимизм".

26 апреля

Одиночество, пустыня, питающие личность (Фауста), ненавидимые пропагандистам коммунизма, потому что такая личность социально неуловима. Но всё-таки личность, как фактор движения, как явление социального первенства, необходима. И это тоже ведь не путь ловить личность в сети социальной необходимости, как Шостаковича, и принуждать её делать не как самому хочется, а как это надо. Какой же выход из драмы Прокофьева, объявленного антинародным?

<...> Явно существует какая-то существенная порочность в самом критерии социального первенства, критерии бюрократическом, превращающим жизнь художника в сплошную пытку. И хорошо, если все эти жертвы пригодятся для накопления питательных веществ в государстве, как в яйце для великого эмбриона будущего великого творчества. Но ужасно, что на дорогу творчества выходишь при всяких условиях непременно один и сквозь туман путь блестит непременно кремнистый и самому надо идти по кремню босиком.

Выхожу босой я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Так складывается неизбежное, и остаётся только желать милости: хочу милости, но не жертвы.

1950 год. 4 декабря

Был вчера Евгений Александрович Мравинский, мой серьёзный читатель. Он начинал время наше фугами Баха, а кончает ещё неизвестными нам фугами Шостаковича. Конец векам и охрана состояния безнадёжности (надежда порождает боль, а жить надо как мох). Его глазами я поглядел на себя и увидел, что держусь на кончике надежды...»

Текст к публикации подготовила
Л.А. Рязанова, заведующий Му-
зеем М.М. Пришвина